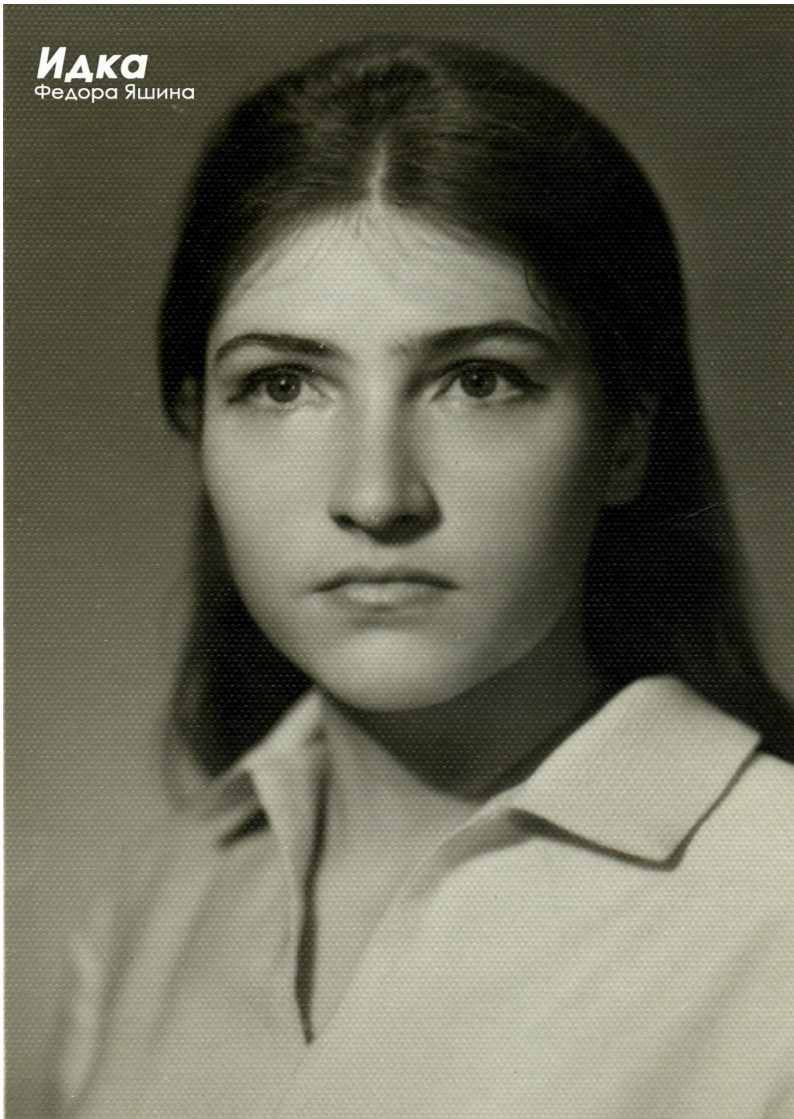

ИДКА
Федора Яшина

Федора Яшина Идка

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28288643
SelfPub; 2017*

Аннотация

Воспоминания Иды Федяковой, написанные по просьбе ее детей, для детей и внуков.

Яша, давай насмешу тебя, вспоминать начну по твоему хотению, по твоему велению. Малую толику из раннего детства. Возможно, от дальнейшего понукания откажешься, не интересно станет. Ага?

Глава 1

Как тебе уже давно известно, и для памяти, родилась я 27 ноября 1946 года, в час Быка (если мне не изменяет память) в два часа ночи (мама говорила – отец под окнами ждал меня). Вот как.

Первое легкое, неясное сияние памяти – я на подушке, на столе сижу, смотрю в окно, справа от меня стоит горшок. Поворачиваю голову налево –вижу цветную занавеску, знаю там спит папа, у двери печь. Потом мамин рассказ вплетается в голову, как продолжение того что помню, может быть он уже совсем о другом времени. Приходит она с работы (на шахте работала электриком), отец спит, а я расписала стол и окно какашками из горшка. Видимо первый период моей жизни проходил на территории стола.

Второе, я чуть постарше, знаю, что мы живем в бараке, где длинный коридор и много дверей. Я у соседей, у них дверь была открыта, только марля болталась от комаров, сижу на кровати за спиной у соседа, он лежит, она стоит. Вдруг забегает мама, она меня потеряла, искала и нашла у них. Мама рассказывала, что фамилия этих соседей Рупперт. Они просили, чтобы меня им отдали, т.к. своих детей они не могли иметь, а меня сильно любили. Ну, разве ж отдадут такой

подарок судьбы. Нет, конечно.

Несколько слов почти на 19 лет в будущее. Потом эти Рупперты уехали в Казахстан, там ведь тоже очень много немцев жило. В 1965 г., летом, они приезжали в гости к кому-то, и заходили к нам на меня посмотреть, ждали три часа и не дождались – ушли, а я пришла через два часа после их ухода.

Третий проблеск в голове. Знаю – я в детском саду, он у болота (озерцо такое было, в нем даже купались, но говорили болото) стоял. Помню только столики в большой комнате и блюдце с чашкой, на чашке нарисованы красные и зеленые кубики. А в коридорах лежали красивые красно-зеленые ковровые дорожки. Потом прогулка во дворе, а я скрываюсь ото всех и убегаю домой. Побегу устраивались постоянно, а поэтому из садика меня забрали.

Четвертый эпизод, драматический.

На улице тепло, яркое солнце. Мы куда-то идем. У папы чемодан, у мамы на руках лялька – Витька (23.08.50г.) и я вприпрыжку. Видимо сентябрь на дворе. Проходим мимо двух белых домов в два этажа, по три крыльца. По другую сторону стайки. Вышли к красивому новому дому, у него балконы, он двухэтажный, два крыльца! Идем к ближнему крыльцу, оно украшено какими-то балясинами, есть две скамейки. Красота! Поднимаемся на второй этаж, на площадке три двери, заходим в ту дверь, что рядом с лестницей, которая на чердак ведет.

Итак, мы переехали из барака в наш новый дом по улице

Васенко, дом 2, кв. 6. Как сейчас здесь говорят деревяшка на 12 квартир. Квартира из трех комнат, то есть коммунальная. Наших комнат две, к нам должны вскорости приехать из деревни папины родственники; отец Филипп Филиппович 1888г.р. мачеха Мария, лет на 5-10 моложе деда, две сестры по отцу родные – Лида, примерно 1930 г.р. Ида 1937г.р.

Наша комната большая, маленькая дедова, средняя комната у соседей – их пять человек: муж, жена, сын маленький, его мать и брат, молоденький юноша.

Я еще не имею представление о годах, но знаю на улице зима, у меня появился еще один брат Ванька, 27 ноября 1951 г.р.

Мама очень болеет, не встает с кровати, говорят, что у нее после родов отнялись руки и ноги, что такое роды я не знаю.

Папа на работе, а дед, бабушка и тетки заходят к нам редко, они не любят маму, потому что русская, но нянчат Витьку у себя. Ванька плачет, я его беру несу к маме на кровать прикладываю к груди, помогаю Ваньке взять ее, он чмокает, засыпает, молчит, Мама плачет, мне не понятно почему. Бабушка чего-нибудь наварит, меня позовет, даст тарелку с варевом, я иду кормить маму, сажусь рядом с ней на кровать и кормлю с ложки. Она снова плачет, ест со слезами. Я ей «мам, не плач», а она еще сильней.

Потом приходит с работы отец, приносит большущую бочку, кладет в нее черные большие камни. Все большое, потому что я уж ростом очень мала. Заливает горячую воду с

травой, накрывает бочку одеялом. Подкладывает Ваньку маме к груди. Уходит на кухню кушать. Приходит суёт потихоньку руку в бочку, берет маму на руки, опускает в бочку, укрывает до подбородка одеялом. Разговаривают с мамой, она даже смеётся. Через некоторое время меня отсылает из комнаты, я знаю, он будет переодевать ей мокрую рубашу. Это повторялось долго, а вот как долго, ну, не знаю.

Пятый эпизод обо мне, малой «стукачке» и о других.

Мама здорова.

Я уж обмолвилась о том, что родственники не терпели маму, когда папы не было дома, ругали ее на исковерканном русском языке, обзывали ее. Дед ругался за луковый суп, приготовленный плохо, то гренки в нем раскисли, то лук недожаренный и прочее, и прочее. А в своей комнате костерили ее, на чем свет стоит и старики, и девки на четыре голоса.

Мы дети были вхожи в их комнату, они нас не обижали.

Меня они не стеснялись – думали, что я в немецком языке ни бельмеса. Однако, шутка юмора заключалась в том, что я понимала о чем они болтали. Прослушав их, я шла к маме и рассказывала ей все. Она поначалу мне не верила, но видимо решила проверить меня, и как-то т. Идке сказала, ты, мол сопля, зачем обо мне не весть что болтаешь по-немецки. Та в ответ – я ведь только со своими это говорила, никого чужих не было, ты откуда это знаешь?

Отступление вклиню. Когда папа умер, в январе 1995 г., т. Ида приезжала с сыном на похороны. Велись всякие разговоры-вспоминания, вот тогда я рассказала о том, стукачестве. Она говорит – а мы тогда ломали голову, откуда Мария знает, о чем наши разговоры. Из присутствующих только мама была знакома с той ситуацией. Удивлены были и Бергачи младшие.

А у меня мелькнула мысль, что озарение на понимание незнакомого языка пришло ко мне малой от того, что обижали маму, мне её было жалко, она часто плакала.

Продолжаю. Мама ей меня не выдала и стукачество продолжалось! Видимо во мне в то время заработали немецкие гены на понимание, но не на язык, говорить-то не могла. Отец с нами говорил по-русски.

Однажды, мы были на кухне: я, мать и отец, о чем-то болтали. Отец вскоре куда-то засобирался, вернулся к нам в черном длинном пальто, в фуражке, в черных хромовых сапогах. Громко доложил, что уходит на шахту по делам. Хлопнула дверь за ним. Вскоре выскочил из комнаты дед и к нам на кухню, на маму с криком, с руганью, размахивает руками.

Мы напуганы, мама меня оттолкнула на стул в угол, между шкафом и столом. Дед подступил к ней, занес руки для удара и, в этот момент поднимается над полом. Это папа его схватил сзади и на печь повалил. По-немецки грозно говорит, затем перешел на русский, мол я здесь хозяин, мы вас вытащили из деревни.

– Не нравится еда – готовьте сами, не нравится хозяйка – отправляйтесь назад в деревню свою. Чтоб не смели больше рты раскрывать! И девкам тоже рты закрой! Я сказал, повторять не буду!

Вот так поговорили.

Оказалось, что отцу доложили соседи, что маму обижают его родители и сестры. Он решил проверить, хлопнул дверью, а сам не ушел. В коридоре-то темно, не видно ничего. Все подслушал, все увидел. Пока дед выступал, он тихонько сзади подошёл.

Маме попенял, почему ему ничего не говорила, а я тут же опять талант «стукача» проявила и всё подробно доложила, чем немало папу удивила.

– О, к стукачеству, талант!

Опять шаг в сторону. Теперь, с высоты или с низоты прожитых годочков, понимаю, что просто это извечная проблема отцов-детей, свекровь-сноха, теща-зять. Все хотят лучшей доли, лучшей судьбы для родных и любимых, но, мерка лучшего на свое понимание. Вот, от этого своего, распри растут, и ширятся.

Однако, после папиного: «Я сказал, повторять не буду», установился мир, ну, понятно без мелких ссор и споров не обходилось, но это уже мелочи.

Шестой эпизод из того времени. Наука для девицы шести-семи лет.

Установился мир, стали дружить домами, то есть, общать-

ся тесно.

Дедушка стал проявлять внимание ко мне, воспитывать. Запало на всю жизнь, как приходилось несколько раз к ряду подметать пол, чтобы он остался доволен. Веник был почти с меня «ростом», с длинной и толстой ручкой. Учил мыть пол, таким же методом как мести. Полы деревянные, крашенные, с глубокими щелями между половицами. Притащу полное ведро воды, большую тряпку, и, начинается экзекуция со слезами.

Мыть надо так, чтобы на полу было много воды, чтоб все трещинки, швы не оставались сухими. Не получалось с одного раза – повторить ещё и ещё. При этом дед приговаривал: «А то жених будет корявый!». А мне – мне никакого жениха не надо! **Дедова наука.**

Как мама подвигла меня стоять за себя. Лето. Нас ребятишек во дворе очень много – из нашего дома, из двух соседних, белых. Какие-то игры-забавы, непременно возникают споры-стычки детей, играющих без присмотра взрослых. Однажды меня кто-то из старших детей отлупил, я в рев и домой за защитой.

Прибежала с жалобой, а мама мне ещё добавила и сказала «сиди дома, заступаться за тебя не буду никогда, умей давать сдачи, если тебя ударили раз, ты в ответ должна три раза наподдать». Мои слезы сразу высохли, молча, развернулась и пошла назад. Когда компания поняла, что я вернулась без защиты (за всех бывали заступники) решили, что можно

опять меня побить, но тут уж собака Ида в ярости сумела сдачи сдать. И, с того времени никто и никогда не мог меня обидеть без ответного победного удара. **Мамина наука.**

Вот, это то, главное, что помню я из раннего своего детства, остались мелочи повседневной жизни.

Ты как-то спрашивал, с какого возраста я помню себя. Надеюсь, ты получил ответ на свой вопрос.

Полагаю, тебе хватило таких биографических моих потех, и на этом можно закончить описание незначительной моей биографии.

Глава 2

ООО! Как! Расписалась, раскарябалась, расшаркалась по листу в клетку, ручкой шариковой, расстучалась по клавиатуре компьютерной, вдохновением, рождённым сыном Яковом, подталкиваемая.

А, как же – «родилась я в 1946 году. Вишь, какая самозванка самостоятельная. Нет бы сказать: родили меня в поселке Злаказово (позже Горняк), города уральского Копейск, мама, да папа. В то время, девица Рябкова Мария Михайловна 27.07.1924 г.р. казачьей крови, из (раскулаченной семьи, жившая в посёлке Тугайкуль города Копейска), да парнище взрослый, немец из Оренбуржья Берг Филипп Филиппович 24.03.1916 г.р. (по паспорту 17.10.1916г.р.), по воле войны да правительства, под ружьём в шахте работающий. Вот эта любящая пара и произвела меня на свет, на белый. Родить-то родили, но была я незаконно рожденной дочерью своих ро-

дителей. Только в 1948 г. пошли они и я с ними, в ЗАГС. Сами расписались, меня записали дочкой Идой на фамилию общую Берг.

Думаю, примерно, так бы надо было начинать писать. И вспомнить всё то, что сумело зацепиться за уголки моей памяти, возраста 66-ти лет и четырёх месяцев. Простая получается арифметика. Мозги пытаются вернуться в прошлое из 2013 года.

Еще следовало бы коснуться того, что дед, Берг Филипп Филиппович рожден был в Германии в 1888г. Его отец тоже был Филипп Филиппович, архитектор – строил Белую церковь. Мать деда, Луиза, из семьи Нофман или Фольман. Приехали в Россию сразу по рождению деда. Проживали в Херсонской губернии, посёлок Аккерман, примерно до 1910-1911гг.

Бабушка с маминой стороны – Рябкова Фёкла Филипповна 24.10.1894 г.р., в девичестве Малыхина, имела братьев Петра, Василия, Григория. Проживали в Херсонской губернии, выехали оттуда на новые земли, на Урал, в село Юркино Красноармейского района, Челябинской области. Из Юркино были вывезены в посёлок Тугайкуль, г.Копейск (раскулачили). Бабушкин отец был могутный мужик. Выезжал на ярмарки и базары в огромном тулупе, в карманах которого, были прикреплены рыболовные крючки, на них он ловил карманных воришек. С юмором мужик. Еще про него знаю, что еще на херсонщине он колдунью на своём дворе поймал

(собаку, корову сосала) схватил за загривок и лупил кнутом, до тех пор, пока не стала проявляться женская суть, потом через тын выбросил.

Таковы скудные мои знания о предках. Я из поколения не знающих родства.

Попробую еще раз коснуться прошлого. Нельзя вернуться назад в будущее – мы его не знаем, а в прошлое можно, если ещё дружен с головой, но изменить его нельзя-нельзя, печальная история. Хотелось бы подчистить некоторые пути-дорожки, чтобы прожить иную жизнь, наполненную и исполненную мечтами-грёзами, успехами и удачами. Увы, не нами писана книга судьбы.

Слава Богу, что я есть, познала свою семью и материнство, печали и радости, что оптимист по той жизнёшки, которую проживаю.

Видишь, на какой понос словесный, ты меня подвигнул.

Однако, возвращаюсь в ускользящие пятидесятые.

Выше уже было сказано – в семье установился мир.

Радостно-печальные моменты.

В семье у нас пополнение. Появилась крохотуля сестричка Ира (1953 г., полную дату не знаю). Радости у меня безмерно, такая неописуемо красивая, в белом чепчике с кружевом, в белых пеленках, в синей коляске. С упоением вожусь с ней. Мальчишки мне уже не интересны, нянчусь с ними, потому что заставляют, а к Ире сама бегу.

Но, недолго восторгам быть! Захворала девочка, воспа-

ление легких, и ушла она от нас, а с нею радость из моей ещё крохотной души, и никто не догадался о моем большом-большом горе-горьком.

Сейчас знаю это март 1953 г. Стою посреди комнаты, а мама берет табуретку и идет в левый угол комнаты, там высоко под потолком висит черная большая тарелка, это радио. Встает на табуретку включает радио, оно сначала хрипит, потом говорит – умер Сталин, он мне совсем не знаком, но знаю, что он часто снижает цены на хлеб и сахар. Мама плачет навзрыд, мне её жалко.

Скоро у нас будет свадьба! Все об этом талдычат, а ещё шепотом – «конечно, ей уже пора выходить, хоть за кого-нибудь, она ведь почти старая дева». Это всё о папиной сестре Лиде Филипповне. Она встретила свою любовь, он человек Кавказа.

Бабы не угадали. Брак этот был по любви, единственный и на всю жизнь. В 1994 году в ноябре гостила я у родителей. Они говорили, что т. Лида приезжала к ним в гости, в 1992 г. что ли. Маме подарены были национальные, связанные Лидой, тапки. Мама мне их отдала, я много лет грела в них свои ноги.

Зовут жениха на русский манер: Лёша (теперь знаю, его фамилия Раджабов, проживали в Дагестанской АССР, Кизляр-Черилово, п/о Сар-Сар) он не высокий, ниже Лиды на полголовы, крепкий, черный, у него широкие плечи.

Все женщины квартиры находятся на кухне и, я шмако-

дьявка тут же, допущена творить свадебное убранство для невесты. Лиды нет, она ушла с Лёшей в кино. Папа на работе, мальчишки и дед спят. Соседка тётя Ирма и ее свекровь с нами. В кухне тесно, но весело. Шуршит цветная гофрированная бумага, это вырезаются лепестки и листики для цветов для венка невесты. Потом с помощью карандаша делают красивый лепесток. Режутся куски проволоки медной тонкой (отец принес с работы). На них накручивается из ваты маленькие шарики. Всё подготовили, растопили парафин, макаем в него проволочные веточки с шариками и происходит чудо, когда парафин застывает. Листики и лепестки также обрабатываются, потом собираются цветочки, вплетаются в венок, украшается накидка тюлевая.

И мои руки причастны к возникновению чуда красоты. Я в восторге от смеха, разговоров веселых в тесном пространстве кухни.

Вдруг влетает Лида, кричит:

– Наш дом горит! Лёшка тушить остался!

Весь подъезд подняли, потушили. Дом деревянный, возгорался еще раз в году, наверное, 1956. Опять зимой. В доме печное отопление углём, золу выгребали из печей и выносили на улицу, ссыпали под завалинку, попадали не потухшие угольки, они разгорались.

После свадьбы молодые уехали на его родину.

Глава 3

Подошло время готовиться в школу начальную № 25, в первый класс, август 1954 г. Я дивчинка уже большая, иду в школу почти восьми лет. Накупили всего: платье коричневое форменное шерстяное, черный шерстяной фартук, белый фартук штапельный, ленты атласные для косичек: черные, коричневые, зеленые и белые, баретки белые, туфли, коричневый портфель.

Платье, фартуки и портфель (он, правда, был уже слегка измятый и покорёженный) служили мне до окончания начальной школы, то есть до июня 1958 г.

Школа двухэтажная, снаружи белая, крыльцо большое, перед входом у ступеней по обеим сторонам стоят огромные каменные тумбы, на них каменные вазы (всё лето в них растут цветы). Вокруг школы высокий железный решетчатый забор. Много деревьев. Во дворе есть сараи для дров, угля, и всякого инвентаря. Школа отапливается угольными печами. Топки располагаются в коридоре.

Школу строили пленные немцы. Ещё ими же в поселке были выстроены клуб и две средних школы, одна из них одноэтажная.

Начались занятия. Учительницу зовут Мария Михайловна, она косая, носит очки. Прихожу домой возмущаюсь – «почему её называют М.М. это ведь нашу маму зовут Мария Михайловна». Мне все объяснили и успокоили.

Училась в начальных классах хорошо – хорошистка. Однако, на мою тетрадь по чистописанию, учительница говори-

ла: «Берг Ида у тебя тетрадь грязнописания». Без клякс и каракуль писать не могла. Это и сейчас наблюдается.

В классе были мальчишки второгодники и даже третьегодники. Когда уже перешли мы во второй класс один из таких амбалов, считай старше нас на 3 года повадился после уроков лупить мальчишек и девчонок. Брюхов была ему фамилия. Каждый день рев и синяки, и его довольный гогот. Пока не дошла моя очередь получить тумака. Стала девчонок подговаривать самим его избить, чтоб неповадно было. Девчонки начали ныть: «Он же ещё сильнее начнёт драться». Я в ответ: «А мы его тоже, а потом и победим». Поверили (мои дворовые-то подружки знали мои качества сдать сдачи) и согласились, и исполнили задумку. Вышли после занятий, на улице темно, по домам не расходимся, стоим толпой. Я за вазой на тумбе. Идет Лёшка Брюхов, только подошел к тумбе, а я сверху портфелем по башке – траххх, он упал, девчонки всей толпой навалились и я с ними. Победа была за нами. Поставили ему приличный фингал. Кто-то на завтра доложил учительнице, но она нас не ругала, а похвалила. Он и её уже видимо достал. Больше бить нас он не пытался, но часто кулаком мне грозил.

Оказывается, я не только стукачка, но ещё и заговорщица, ещё и подстрекательница, ещё и избивательница.

Когда окончила начальную школу стала грамотней своих родителей.

Мама проучилась в школе два года, на третий год заболела

тифом, после выздоровления в школу идти не захотела. Отдали её в няньки, ходила по разным хозяевам, а потом служила в одной семье долгие годы, до войны. Мамина школа.

Папа в школе никогда не учился. Жил в деревне Перровка, Соль-Илецкого района, Оренбургской области. Мать умерла, их осталось трое ребятишек. Сестра Гильда старшая 1913 года, папа 1916 года (было ему тогда лет 10) и сестра Алида 1924 года. Вскоре отец женился. Мачеха видно плохо относилась, была у нее своя дочь, потом вот общие дети появились Лида да Ида. Иногда, мальчишке, даже есть, не давала, хотелось очень кушать, он стал в поле ловить сусликов, обдирал шкуры, жарил на костре, они жирные. Так ими объелся, что без содрогания, не мог вспоминать. В драных одеждах, ходил и обувках. Читать и писать научился уже, когда забрали в трудармию, там специальное время отводилось для ликбеза.

У нас была скотина: корова Манька, большая, коричневая с белыми пятнами, коза Майка, серо-белая, с огромными рогами круто загнутыми, хулиганка и проказа хитрющая. Овечки черные (сколько не помню), а к ним имелись очень странные ножницы для стрижки шерсти. Свинья и куры с петухом.

Летом, корова, коза, овцы выгонялись в общее стадо, пастуха нанимали сами жители. Куры выпускались гулять. Если отец был дома, сам смотрел за свиньёй, выпускал на лужайку. Когда он был на работе, мы для неё рвали траву: два-три

мешка.

Вечером стадо возвращалось назад. Корова сама шла в стайку, а вот Майка пыталась гордо удалиться от неё, ещё не нагулялась. Мне приходилось её встречать. Завидев меня, наклоняла голову, грозными рогами пугала, мекала, я бросалась на неё цеплялась за рога и таким образом въезжала в стайку. Игра у неё со мной была такая. Ребяшня собиралась каждый вечер посмотреть на это представление. Когда Майка успевала проскочить мимо нас, все с удовольствием носились за ней. Она довольная мекала, прыгала, бегала и скакала до тех пор, пока я не повисну на рогах, а потом спокойно в стайку.

Зимой, в сильные морозы кур забирали домой, жили они под столом в кухне, забивалось пространство рейками, получалась клетка, чтоб не воняло, приходилось мне несколько раз в день вымывать пол, кур выпускали погулять по коридору, когда я была в школе, мама убирала.

Жили с хорошими соседями, они не возмущались.

1955 год. Деда, бабки и тети Иды уже нет – уехали в г. Орск, Оренбургской области, к бабушкиной дочери Марии. Мы теперь живем в двух комнатах.

Март месяц. Родители ушли куда-то в гости, у мамы большой живот. Уже надо ложиться спать, а их нет. Мальчишки ноют, боятся. Укладываю их в кровать, подставляю к кровати стулья, сооружаю себе постель. Выключаю свет, ребяшня успокаивается. Спим.

Когда они пришли мы не слышали, проснулись от шума. В комнате у родителей горит свет, просачивается сквозь щели. Мама кричит или стонет глухо. Отец выскочил с полным тазиком. Назад бежит корыто, тряпки тащит. Вдруг детский крик. Мы зовем отца – «пап, папа, что там?». Отец выглянул, говорит: «Подождите, немного, я тут девчонку за волосы, через окно в болоте поймал, сейчас искупаю её и вам покажу, вы не вставайте»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.